

2. Рощина Е. В. Функции иностранного языка как учебного предмета в системе обучения в университете // Иностранные языки на неспециальных факультетах : Межвуз. сб. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. С. 3–6.

3. Хусаинова М. А. Становление профессиональной позиции студентов – будущих менеджеров средствами иностранного языка : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08. Самара : СГУ, 2006. 19 с.

Ковалева А. И. (Минск)

**О внутренней форме семантических коррелятов модели
«однословная номинация – неоднословная номинация»**

Возросший интерес лингвистов к тем свойствам языка, которые отражают особенности восприятия и интерпретации окружающего мира человеком, определил актуальность изучения языковых картин мира носителей разных языков. Сопоставление внутренних форм слов (далее – ВФС) на базе двух или нескольких языков, как и сопоставление внутренних форм фразеологизмов, позволяет исследователям приблизиться к восстановлению фрагментов языковых картин мира.

При анализе словарных статей семантических коррелятов русского и белорусского языков с точки зрения их ВФ неоднозначным оказывается вопрос о том, следует ли рассматривать случаи модели «однословная номинация – неоднословная номинация» в качестве объектов для сопоставления их ВФ, поскольку единицы исходного языка (слова) и единицы языка перевода (их неоднословные эквиваленты) представляют собой номинации разных языковых уровней. О необходимости сопоставления ВФ семантических коррелятов модели «однословная номинация – неоднословная номинация» свидетельствует следующее.

1. Сама возможность выявления и анализа ВФ неоднословных номинаций отмечается разными учеными [1, 2, 4]. Так, Н. И. Мигирина выделяет однопризнаковые, двупризнаковые, трехпризнаковые и многопризнаковые наименования, относя к двум последним группам структуры, оформленные как словосочетания и предложения.

2. Процесс номинации носит во многом стихийный характер, и для обозначения понятия в одном языке закрепляется одна структура, в другом – другая; в результате простой производной номинации исходного языка в языке перевода может соответствовать простая непрямая, простая производная, сложная и неоднословная номинация, причем такого рода наименования в правой и левой частях двуязычного словаря относительно равнообъемны.

3. В ряде случаев неоднословные эквиваленты в языке перевода являются единственно возможным способом передачи содержания

однословного наименования исходного языка и, как и последние, выполняют номинативную функцию.

4. Возможность сопоставления ВФ простых производных и сложных номинаций не вызывает у лингвистов сомнения, хотя количество вербализованных признаков номинаций исходного языка и языка перевода оказывается различным. При этом сложные слова соотносимы со словосочетаниями: сложное слово имеет синтаксическую базу в виде словосочетания, членимость сложного слова опирается на морфемную и семантическую соотнесенность с компонентами словосочетания. И ВФ сложного слова, и ВФ неоднословной номинации всегда указывает на несколько признаков, разница состоит лишь в том, что первая делает это в границах цельнооформленного наименования через его связь с производящими, в то время как каждый отдельный компонент неоднословной номинации является частью ее ВФ.

5. Исключение пар «однословная номинация – неоднословная номинация» из фокуса внимания при сопоставлении ВФ значительно обедняет материал исследования, поскольку даже при условии, что некоторые неоднословные переводные эквиваленты представляются несколько искусственными и с малой долей вероятности будут использованы в речи на языке перевода, их ВФ может отличаться от ВФ их эквивалентов в исходном языке.

Таким образом, между семантическими коррелятами модели «однословная номинация – неоднословная номинация» устанавливаются отношения межъязыковой и межуровневой эквивалентности. Так как структурно-семантические типы отношений между однословными номинациями исходного языка и их неоднословными соответствиями в языке перевода различны, пары такого типа можно рассматривать как пары семантических коррелятов с разной степенью различия их ВФ, что обуславливает необходимость их классификации.

Поскольку наличие ВФ у слова предполагает семантическую и структурную соотнесенность составляющих его морфем с другими морфемами данного языка, а сама ВФ трактуется как наименование того объекта или явления действительности, которое имеет формальное выражение в структуре слова, обладающего ВФ, и при этом связь между данным объектом/явлением и именуемой реалией осознается и лежит в основе ее наименования, под различием ВФ семантических коррелятов следует понимать прежде всего различие в объектах/явлениях, названия которых послужили основой наименования семантических эквивалентов в сопоставляемых языках. Однако вследствие языковой вариативности ВФ различается не только у тех семантических коррелятов, в основе наименования которых лежат различные объекты/явления, но и у тех

эквивалентов, в качестве основы наименования которых был выбран один и тот же объект/явление, получивший разное языковое выражение в сопоставляемых языках.

Эталонными с точки зрения различия ВФ можно считать те семантические корреляты модели «однословная номинация – неоднословная номинация», которые характеризуют один и тот же денотат с разных сторон, и следовательно, в основу таких наименований всегда положены названия различных объектов/явлений. Корреляты бел. *сцялуха* – рус. *чай луговой* актуализируют различные, не связанные между собой признаки данного растения: белорусский эквивалент подчеркивает такую его особенность, как ползучие, стелющиеся по земле стебли, русский эквивалент отмечает, что растение используется в качестве травяного чая и встречается на лугах. Русское название *коренной зуб* запечатлело его отличие от остальных зубов по количеству корней: у него их два и более, белорусский же его коррелят – *кутнік* – актуализирует признак «место». Как видно из примеров, ВФ белорусского коррелята ни эксплицитно, ни имплицитно не присутствует в русском корреляте и наоборот.

Несколько менее явным представляется нам различие ВФ тех русских и белорусских семантических коррелятов, которые вскрывают одну и ту же характеристику именуемого объекта, но опираются при этом на наименования разных объектов/явлений. Так, белорусское слово *пярэзімак* со значением ‘свойская жывёліна мінулагодняга прыплоду (звычайна пра цялят, жарабят)’ на русский язык переводится как *годовалый теленок*. Эксплицитно ВФ белорусского эквивалента не присутствует в русском и наоборот, однако и русский, и белорусский коррелят «осмысляют» одну и ту же характеристику. Русский эквивалент явно отсылает к возрасту теленка, белорусский же делает это опосредованно: поскольку известно, что телята рождаются в конце февраля – начале марта, год им исполнится в конце следующей зимы, то есть ровно тогда, когда они *перазімуюць* – ‘пращываюць зіму’. Таким образом, и белорусский, и русский языки при наименовании теленка были сосредоточены на его возрасте, однако осмыслили и вербализовали данную характеристику по-разному.

Белорусско-русская пара *копанік* – *полоз, сделанный из ствола дерева с корневым отростком* также может быть отнесена к данной группе коррелятов, поскольку оба эквивалента эксплицитно не повторяют ВФ друг друга, однако называют полоз через материал – корень, то есть ту часть дерева, которую пришлось выкопать. Поскольку, несмотря на общее направление мысли при наименовании данных объектов действительности, при помощи номинативного

суждения у вышеназванных эквивалентов выявляются разные ВФ, считаем необходимым включать их в число семантических коррелятов с различной ВФ.

Среди семантических коррелятов встречаются также пары, члены которых выделяют один и тот же аспект денотата и называют его с опорой на один и тот же предмет/явление, однако структурные особенности таких номинаций не позволяют говорить о тождестве их ВФ. Одну из групп таких коррелятов составляют пары, эквивалент исходного языка которых представлен производным словом с неидиоматичным четко вычленяемым словообразовательным значением и прозрачной морфемной структурой. В языке перевода ему соответствует деривационное сочетание – формально организованное как словосочетание или предложение сочетание слов, в котором один из компонентов соотносится с мотивирующим словом однословного эквивалента, а другой регулярно выступает в значении словообразовательного аффикса [3, с. 57–62]. Например, слова, принадлежащие в белорусском языке к словообразовательному типу с суффиксом *-ішч-* и значением ‘места, где ранее находіўся прадмет’, на русский язык регулярно переводятся сочетаниями с компонентом «место/поле, где был/рос» + русский перевод слова, мотивирующего белорусский эквивалент: бел. *млынiшча* – рус. *место, где была мельница*; бел. *вiчанiшча* – рус. *поле, на котором росла вика*; бел. *бульбянiшча* – рус. *место, на котором рос картофель*; бел. *макавiшча* – рус. *место, на котором рос мак*. Поскольку ВФ белорусских коррелятов регулярно эксплицируется в составе русских деривационных сочетаний, разница заключается лишь в способе ее представления – в виде производящей базы и слова в белорусском и русском языках соответственно, семантические корреляты такого типа находятся на границе слов с одинаковой и различной ВФ в русском и белорусском языках.

Существует еще одна группа коррелятов, неоднословный член которых эксплицирует ВФ однословного эквивалента: бел. *смаляк* – рус. *смолистый кусок дерева*. Отличие коррелятов данного типа от пар, относимых к первой группе, в том, что в парах типа «бел. *млынiшча* – рус. *место, где была мельница*» эквивалент языка перевода является полной, но неоднословной калькой соответствующего эквивалента исходного языка. В парах же бел. *кормнiк* – рус. *откормленный кабан*, рус. *тельник* – бел. *нацельны крыж* слова исходного языка обладают идиоматичным словообразовательным значением, и, следовательно, суффиксы *-ник*, *-нiк* не указывают на значения ‘кабан’ и ‘крест’ соответственно. Таким образом, ВФ однословных и неоднословных

коррелятов такого типа нельзя считать идентичной, поскольку, несмотря на общность идейной направленности наименований, количество эксплицированных признаков наименования у однословного и неоднословного коррелятов различно.

С учетом того, что ВФС одновременно отсылает и к значению, и к форме иного слова, становится возможным расположить группы семантических коррелятов модели «однословная номинация – неоднословная номинация» в порядке постепенной редукции различия их ВФ. Максимальная степень различия наблюдается у тех коррелятов, которые в русском и белорусском языках характеризуют предмет с разных точек зрения, при этом неоднословный коррелят не эксплицирует ВФ своего однословного эквивалента и наоборот. Несколько меньшей степенью различия характеризуются пары, представленные эквивалентами, которые отражают один и тот же аспект именуемой реальности, однако ВФ одного коррелята не является буквальным переводом ВФ другого, не дублирует ее. Еще дальше от полюса с максимальным различием ВФ располагаются те пары, неоднословный эквивалент которых эксплицирует ВФ однословного. На границе слов с различной и идентичной ВФ находятся те пары, однословный эквивалент которых обладает неидиоматичным четко вычленяемым словообразовательным значением, а неоднословный коррелят, представляющий собой деривационное сочетание, дублирует его семантическую структуру и эксплицирует ВФ. Таким образом, корреляты, принадлежащие к последним двум группам, характеризуются, скорее, формальными, чем концептуальными различиями ВФ.

Библиографические ссылки

1. Ларионова Ж. В. Внутренняя форма образных составных наименований в современном русском языке : автореф... дис. канд. филол. наук : 10.02.01. М. : 2000. 28 с.
2. Мигирова Н. И. Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке. Кишинев : Штиинца, 1977. 120 с.
3. Никитевич М. В. Основы номинативной деривации. Минск : Вышэйшая школа, 1985. 157 с.
4. Снитко Е. С. Внутренняя форма номинативных единиц. Львов : Свит, 1990. 188 с.

Коленда Е. В. (Минск) Система характерологических средств в романе Рона Рэша «Серена»

Персонажная сфера составляет (наряду с сюжетом) основу художественного мира произведения и является важным средством